

УДК 821.161.16: 130.2 (Русская литература / Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

ПОЛИЛИНГВИЗМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2021 М.М. Халиков

*Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики.*

E-mail: magomed_samara@mail.ru

Самарский государственный университет путей сообщения.
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 29.01.2021

В статье предпринята попытка обоснования возможности выделения проблемы художественно обусловленного функционирования иноязычных элементов в повествовательно-текстовом пространстве произведений Ф.М. Достоевского в качестве особого аспекта изучения творчества писателя. Процессы интеграции и взаимодействия языков и литературно-художественных дискурсов в высокой степени обусловлены пространственно-культурной сопряженностью стран и господствующим вектором их развития, поэтому присутствие в текстах Ф.М. Достоевского значительного количества заимствованного из французского и немецкого языков материала вполне ожидаемо коррелирует с представлением о национально-идеологических и культурологических приоритетах российского общества того времени. Интенсивность творческой рецепции материала других языков как один из моментов, определяющих индивидуальное своеобразие художественно-речевого семиозиса, объясняется также лично-биографическим фактором – достаточно длительным пребыванием писателя в иноязычной культурной среде и накопленным за это время эмоционально-интеллектуальным опытом межкультурной коммуникации. На основе исследования творческого наследия Достоевского под указанным углом зрения представляется возможным сделать вывод о разноплановом спектре употребления им иноязычных элементов в своих текстах для решения художественно-повествовательных задач. В статье анализируются наиболее органичные для художественно-языковой стихии писателя аспекты применения иноязычных вставок во взаимодействии с материалом и традиционной системой выразительных средств родного языка: роль в конструировании повествовательного дискурса, интертекстуальность, реверсивная интерференция, окказиональное словообразование, иконизм на основе шрифтовой транспозиции. Ввиду научно-эмпирической значимости проблемы представляется необходимым продолжить ее исследование на более широкой теоретико-методологической базе, в частности – путем междисциплинарного интегрирования потенциала лингвистики и поэтики.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, художественный текст, диалог культур, иноязычные включения, прагматика текста, интертекстуальность, иконизм, окказиональное словообразование.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-98-109

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Традиционное для лингвистики изучение языка писателей приобрело в наши дни особую значимость и исследовательскую перспективу в связи с формированием концепции языковой личности и обширной проблематики лингвистической персонологии. Индивидуальная речь – это единственная эмпирически очевидная лингвистическая реальность, именно в ней объективируется знаково-коммуникативная онтология языка, реализуется его продуктивно-деятельностная интенция, диалоговая сущность, креативная энергетика. Эти фундаментальные характеристики языка находят наиболее концентрированное, образцовое, уникально-неповторимое воплоще-

ние в словесно-художественном творчестве. Исследование языка писателя не только раскрывает системно-стилевое своеобразие его словесно-образительного творчества, но и обогащает лингвистику новыми наблюдениями и обобщениями, позволяет глубже понимать диалектику статики и динамики, текста и контекста, нарратива и эстетики в языке. Особое значение имеет исследование тех элементов и средств, которые составляют основу авторского языкового своеобразия – в масштабах отдельного произведения или всего творчества писателя. Ярко-колоритной особенностью произведений Ф.М. Достоевского является раскованное, практически ничем не ограниченное вплетение в художественную

ткань различных по своему материальному составу иноязычных элементов для решения разного рода повествовательных и характерологических задач. Это и является предметом данного исследования, приуроченного к 200-летию юбилею писателя.

МЕТОДОЛОГИЯ. Каждый элемент словесно-художественного произведения должен рассматриваться в ракурсе взаимодействия части и целого, поэтому в основе изучения роли отдельно взятых языковых единиц, форм и структур в организации художественного целого должен лежать контекстуальный анализ, который учитывает все аспекты и типы межсловных и смысловых связей в их ансамблево-взаимодейственной актуальности, а также детерминированность их появления конкретной спецификой нарративного дискурса и индивидуально-авторским восприятием субстанции языка. Важное значение имеет также анализ не относящихся к вещественному словесному контексту произведения фактов и событий, составляющих в совокупности культурно-историческую панораму времени повествования. Определенная часть исследуемого материала трудно поддается осмыслению без обращения к документированным эпизодам биографии писателя и особенностям его мировоззрения. Принципиально значимо для раскрытия художественно-словесного своеобразия авторского идиостиля сравнительное изучение идентичных языковых элементов, появляющихся неоднократно в разных произведениях – в различных предметно-событийных и стилистических контекстах. Ввиду специфики предмета исследования представляется самоочевидным обращение к лексикографическим источникам для получения прецизионной картины межязыковых и внутриязыковых семантико-прагматических параллелей, сходств и различий в корпусе текстовых данных.

ДИСКУССИЯ. Предметно-проблематически данная публикация перекликается с изданной в 1981 году работой Г.П.Струве «*Кое-что о языке Достоевского: употребление Достоевским заимствованных слов и злоупотребление ими*» [12], в которой по совокупности лингвистических оснований документированы факты употребления иноязычных слов в произведениях классика русской литературы. Автор статьи – Глеб Петрович Струве (1898–1985), известный славист, поэт, переводчик и литературный критик, эмигрировавший в 1919 году в Европу, а в 1947 году – в

США. Статья предметно-фокусирована и проблематизирует весьма характерный для идиостиля писателя аспект его творчества и, как и всякая концептуальная работа неординарного исследователя, наводит на размышления по существу поднимаемых вопросов и о возможных путях дальнейшей разработки этой темы. Статья доступна в интернете, нет смысла ее здесь пересказывать. Целесообразнее сосредоточиться на рассмотрении тех ракурсов данной проблемы, которые не нашли отражения в упомянутой работе, но инспирированы ее идеологией.

В самом названии статьи видится интенция к полемическому диалогу. В проекции на современную теорию языка и методологию лингвистики два слова в этом названии воспринимаются как когнитивная провокация. Заимствованным сегодня принято называть слово, ставшее частью лексической системы языка-реципиента и укоренившееся в его узусе. Употребление таких слов в текстах не должно восприниматься как явление неординарное, нарушающее функциональную гармонию языка-реципиента. Слово *злоупотребление* также заставляет задуматься: скорее всего, оно появилось здесь в синтагматической перекличке с предыдущим однокоренным, т.е. как элемент публичной риторики, а не как концептно-идеологическая единица. Понятие *злоупотребление* имплицитно подразумевает ряд негативно окрашенных в языковом сознании семантических признаков (наличие умысла, деструктивный эффект, этическая неприемлемость и т.д.), которые несовместимы с интенцией создания цельной художественной системы. Но есть в структуре значения этого слова и такие компоненты, как *провокация, вызов, эпатаж*; эти характеристики вполне применимы к творческой личности Достоевского, который принципиально полагал, что у каждого писателя своя грамматика, и очень мало занимался правкой своих текстов, в том числе – с целью их приведения в соответствие со вкусами эпохи и традициями сочинительства.

В этом смысле как злоупотребление можно охарактеризовать все творчество писателя, а в чисто лингвистическом ракурсе – все грани субстанциональности его языка. Языковой нормоцентризм чужд идеологии писателя, его стихия – «сознательное экспериментирование с языком, нарушение его норм и традиций» [11, с. 16]. Ярко-индивидуальная, диссонирующая с литературной традицией манера письма Достоевского

была замечена уже его современниками; например, свое впечатление о «Братьях Карамазовых» Л.Н.Толстой выразил короткой фразой: «Странный язык» [13, с. 712]. Примечательно, что энергичное, деятельное, утрирующее литературные каноны отношение к языку проявилось у писателя даже в опыте переводческой деятельности; по мнению А.В.Федорова, изданный Достоевским перевод романа Бальзака «Евгения Гранде» представляется спорным «по характеру применяемых средств, по слишком индивидуальной трактовке подлинника» [14, с. 78].

Экспериментально-новаторский подход Достоевского к языковым ресурсам является хорошей иллюстрацией к теоретическим взглядам Карла Фосслера, который сформулировал свои наблюдения над различиями в функционировании языка в художественном и академическом дискурсах следующим образом: в искусстве господствует право личности, в грамматике – право коллектива. «По Фосслеру, грамматический порядок вызывает в личности желание нарушить его; интерпретируя суть индивидуального словесного творчества, мыслитель предлагает заостренную полемическую метафору: соотношение грамматического порядка и пользователей языка похоже на общество, где все политические партии недовольны властью» [7, с. 155].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. М.М. Бахтин считал выдающимся вкладом Достоевского в развитие «художественного мышления человечества» то, что он создал «новую жанровую разновидность романа – полифонический роман» [3, с. 588], самобытность которого в значительной степени определяется искусством комбинирования высказываний («голосов») разных субъектов речи в единой словесной форме; диалогизм, «многоголосость» слова – фундаментальная черта мышления и языка писателя. Один из приемов реализации этой творческой установки – сознательный отказ от принципа гомогенности используемого лексического материала: «Произведения Достоевского прежде всего поражают необычайным разнообразием типов и разновидностей слова, причем эти типы и разновидности даны в своем наиболее резком выражении» [3, с. 496]. Есть основания полагать, что характерное для текстов Достоевского чрезвычайное разнообразие лексического материала (по национально-языковой принадлежности, по стилевой характеристике в пределах системности русского языка, по интертекстуальной отзывчивости, по

манере индивидуальной семантизации и синтагматической актуализации, по узуральности/окказиональности словоупотребления), на первый взгляд, нарушающее представление о единстве и цельности словесно-художественной системы писателя, на самом деле являются воплощением системы особого рода – построенной на диалектике слияния в едином художественном движении интенционально разнонаправленных элементов и структур языка. В свете сказанного представляется возможным также предположить, что определенная часть иноязычных словесных вкраплений в произведениях Достоевского служат именно этой цели – созданию эффекта смысловой и прагматической полиинтенциональности текста, в котором «преобладает разнонаправленное двуголосое слово, притом внутреннее диалогизированное и отраженное чужое слово» [3, с. 496].

Герои Достоевского довольно часто демонстрируют свободное владение иностранными языками (как правило, французским), что позволяет им осуществлять межъязыковые переходы, примечательным образом трансформирующие художественно-текстовую структурность. Смешанный двуязычный текст усложняет семиотические механизмы и интенционально-прагматическое содержание коммуникации; формально выраженная бинарность текста воспринимается как проявление внутренней противоречивости коммуникативного события; чередование языков повествования генерирует контекстно-культурологические ассоциации.

Можно заметить определенные закономерности в применении иноязычных элементов в произведениях Достоевского. Во-первых, они чрезвычайно редко привязаны к функции сюжетно-событийной референции, их основное назначение – персонологическая номинация, оценочно-характерологическая презентация персонажей. В авторской (условно-авторской) речи они появляются эпизодически. Во-вторых, несмотря на достаточно высокую плотность присутствия материала других языков в произведениях писателя, угадывается авторское неодобрительное отношение к практике коммуникации с частыми межъязыковыми переключениями. Эта отражающая гражданско-патриотические убеждения писателя интенция нередко находит прямое текстовое воплощение, как в цитируемом ниже фрагменте из «Бесов», где автор иронически-снижительно отзывается о речевой стилисти-

ке Степана Трофимовича Верховенского, человека образованного, почитающего европейскую культуру, вместе с тем оторванного от реалий жизни, склонного к театральным манифестациям, что проявляется, помимо прочего, и в том, что он «нарочно глупейшим образом переводил иногда русские пословицы и коренные поговорки на французский язык, без сомнения умея и понять и перевести лучше; но это он дельвал из особого рода шику и находил его остроумным» (Т.7, с. 27). (Цитаты из произведений писателя приводятся по изданию: Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1988-1990. В квадратных скобках дан русский перевод иноязычной части литературной цитаты. – М.Х.)

Контрастные лексические группировки в его речевых партиях звучат комически неестественно:

«Je suis un простой приживальщик, et rien de plus! [Я простой приживальщик, и ничего больше]» (Т.7, с. 28).

Недвусмысленно обозначенная в данном примере идеологическая установка на дистанцирование от модальности смешанных речевых практик заметна и во многих других произведениях.

Ниже предлагается анализ наиболее значимых, в плане индивидуального стилеобразования и отражения авторской языковой идеологии, аспектов применения материала других языков в текстовом пространстве произведений Достоевского.

Конструирование повествовательного дискурса. Важнейший вопрос – об отношении вводимых в повествовательный текст иноязычных элементов к идейному и предметно-событийному содержанию произведения. Совершенно определенно можно сказать, что у Достоевского последовательно выполняется принцип коррелирования релевантности содержания и степени вероятности появления иноязычных вставок. В произведениях и структурных их частях, семантически фокусированных на изображении событий и предметов, имеющих корневое значение для раскрытия идейно-философских, социологических, эстетических взглядов писателя, такие включения исключительно редки («Идиот», «Преступление и наказание»). Практически везде, где требуется ясность и глубина содержания и где речь идет о фундаментально значимых для гражданского и творческого самосознания вопросах, писатель стоит на твердой семантической почве русского слова.

Иноязычный повествовательный материал актуализован в систематике двух типов текстовых интенций. Первый из них – художественное документирование аутентичной реальности: создание портрета персонажей-иностранцев, описание быта и коммуникативной практики за границей («Игрок»). Это довольно тривиальный аспект построения художественного текста, не требующий пространного комментария. Вторая группа контекстных локаций с иноязычными вкраплениями отличается тем, что в них актуализуются метасодержательные аспекты художественного повествования: фатическая коммуникация и управление дискурсом, маркирование отсутствия серьезного отношения к предмету речи и ее содержанию, интенции языковой игры, характерологические функции (особенно – для высмеивания тяги персонажей к внешнему европейскому лоску), придание комизма, карнавальности, пародийности повествованию.

Статистический анализ корпуса иноязычных включений на материале произведений Достоевского не проведен, но при внимательном их чтении представляется очевидным: в этом материале абсолютно преобладают дискурсивные средства, т.е. субсидиарные (вспомогательные) по отношению к существенной содержательности текста элементы и структуры. Вот примеры – только из одного языка, французского (приводятся без указания источника – ввиду их частотности):

Mon cher [мой дорогой], ma chère [милая моя], mon cher Paul [мой дорогой Поль], mon cher prince [мой дорогой граф], mon enfant [мое дитя], mon ange [мой ангел]; cher enfant [милое дитя], mon pauvre enfant [мое бедное дитя], Charmante/C'est charmante! [Очаровательно/Это очаровательно!], C'est délicieux! [Это восхитительно!]; C'est joli [Это блестяще]; pardon [простите], merci [благодарю], a propos [кстати]; N'est-ce pas? [Не правда ли?], vous comprenez! [понимаете!], au revoir [до свидания]; Cela va sans dire [Это само собой разумеется].

Комбинированное применение дискурсивных иноязычных элементов придает речевой партии очевидный характерологический модус и экспрессивный колорит:

«Au revoir, madame, adieu, ma charmante demoiselle» [До свидания, мадам, прощайте, моя милая барышня] (Т.2, с. 419);

«...Brisons-là, mon cher [Оставим это, мой милый], и постарайся как-нибудь не играть» (Т.8, с. 396).

Подобные включения конструктивно необходимы для организации художественного нарратива и языкового портретирования эпохи.

Метасодержательный прагматический смысл иноязычных вставок особенно рельефно проявляется в случаях, когда автор путем чередования русской и латинской графики транслирует в текст впечатление о неловкости ситуации, о неестественности происходящего:

Дама сдержанно, но с приятной улыбкой проговорила мне: «Merci [благодарю], мсье» (Т. 8, с. 181).

«– Merci, друг, я сюда еще ни разу не вползал...» (Т. 8, с. 255).

Дисгармония графических рядов является здесь способом визуально-экспрессивной актуализации авторской стилистической прагматики.

Возможно совмещение конструктивно-повествовательной роли выделенных выше двух модально-интенциональных групп в пределах одного контекста; например, писатель неоднократно иронически высказывается о ментальности немцев и, в частности, об оголтелом педантизме и прямолинейности немца в роли отца семейства:

«...Всякий фатер в Германии повторяет это своим детям...».

И далее в пределах нескольких абзацев лексема повторяется в разнообразии морфологических репрезентаций: *фатеры, фатеров, фатерское упорство, по-фатерски* (Т.8, с. 212-213). Языковая игра – развертывание школьно-грамматической парадигмы – недвусмысленно выражает авторскую позицию, вполне эксплицитно представленную им в другом месте:

«...есть здесь везде у них в каждом доме свой фатер, ужасно добродетельный и необыкновенно честный. Уж такой честный, что подойти к нему страшно» (Т.4, с. 606).

Значимый лингвистический аспект: потенциал флективности русского существительного комически переносится на материал немецкого языка.

Интертекстуальность. Художественное слово диалогично по своей природе: объективируется только в акте чтения/слушания; возникает в культурном пространстве и само формирует это пространство; является интеллектуальным откликом и ожидает отклика. Безусловно, это и

диалог писателя с собой: «слово писателя созидательно, ибо воплощает в себе мир, выстраиваемый писателем в ходе нескончаемого диалога с самим собой» [8, с. 21]. Но есть и такие аспекты диалогичности художественного текста, которые «лежат на поверхности», маркированы как эмпирически очевидные лингвистические сущности. К их числу относится категория интертекстуальности – феномен, благодаря которому «значительно повышается импликационный и модальный потенциал текста и самый текст оказывается звеном в общей цепи культурного общения человечества» [2, с. 360]. Интертекстуальность – важнейший фактор коммуникации, чем и объясняется повышенный интерес современной лингвистики к ее проблематике, в частности – к прецедентным феноменам как наиболее репрезентативной ее разновидности; см., например, работы: [1], [4], [5], [6], [9], [10], [15].

Произведения Достоевского могут послужить великолепной иллюстрацией к художественно-ролевой функции интертекстуальности, и значительную часть интертекстуализмов в них составляют текстовые фрагменты из других языков. (По логике вещей, сам исследуемый здесь феномен – иноязычные вкрапления в художественный текст – изначально можно рассматривать как особый аспект кросскультурной интертекстуальной коммуникации, поскольку все эти эмпирические данные относятся к обширной концептосфере диалога культур и вне этой парадигмы для научной рефлексии по существу нерелевантны.) Предметом анализа данного раздела являются характерные для творчества Достоевского приемы интертекстуального расширения когнитивного, коммуникативного и прагматического пространства повествовательного текста. Анализ проводится на примере прецедентных текстов.

Интертекстуальные включения существенным образом осложняют семантическую структуру и прагматический потенциал высказывания-текста. Они требовательны в отношении качества рецепции (идентификация, декодирование, интерпретация). В плане лингвистического анализа они также имплицитно затрагивают нетривиальные вопросы – о модусе субъекта речи, механизмах интегрирования интенционально неидентичных текстов в единую структуру, иерархии смыслов и текстовых импликаций в составе общей структурности.

Наиболее простой для описания случай – когда прецедентный статус текстового сегмента маркируется специальным указанием на цитатный характер высказывания, как в следующем примере:

«...Он мечтатель; он думает, что вдруг, каким-то чудом, за один раз, станет знаменитейшим человеком в мире. Его девиз: *aut Caesar, aut nihil* [или Цезарь, или ничто], как будто Цезарем можно сделаться так, вдруг, в один миг...» (Т.2, с.244).

Прецедентность может быть декларирована и путем упоминания автора:

«...С этой дамы я уж взял два месяца назад взятку. *Je prends mon bien, où je la trouve* [Я беру свое там, где его нахожу], и только в этом смысле я похож на Мольера (Ж.Б.Мольер) (Т.4, с. 365).

В последнем случае цитируемый фрагмент вписан в общую семантико-синтаксическую схему сложной речевой композиции.

Примечательно, что есть группа прецедентно-текстовых феноменов, многократное появление которых в произведениях писателя свидетельствует об их принадлежности к ядерной части его прагматического тезауруса и ментального мира. Таковы, например:

Après moi le deluge! [После меня хоть потоп!]; *Крылатая фраза, приписываемая французскому королю Людовику XV* (Т.4 с. 123);

Assez causé! [Фр.: довольно болтать!] – заимствованная у Бальзака фраза; как отмечают исследователи в текстологических комментариях, «одно из любимых выражений Достоевского» (Т.5 с. 563).

Писатель довольно часто включает прецедентные тексты в свое повествование в усеченном виде, руководствуясь при этом, вероятно, как минимум двумя соображениями: цитируемые текстовые единицы (афоризмы, крылатые выражения, поговорки и др.) – знаковые константы культуры, тысячи раз услышанные и прочитанные, с неповторимым композиционным строем, каждый элемент которого способен вызвать представление о целом; цитируемый фрагмент на другом языке не должен своим логизированным синтаксическим строем контрастировать с ритмико-интонационным рисунком русской речевой партии, которая часто состоит из обрывков фраз, повторов, плохо структурированных синтаксических групп. Драматическая нехватка времени также могла быть причиной

редуцирования фразового комплекса. Как правило, при этом воспроизводится начальный фрагмент прецедентного высказывания, редко – окончание, значительно реже – середина (как в следующем примере):

«...Да ведь предположите только, что и я человек есмь, *et nihil humanum* [и ничто человеческое]...одним словом, что и я способен прельститься и полюбить...» (Ср. лат. *Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto* [Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо]) (Т.5, с. 264).

Лингвосемиотический механизм функционирования сегментированных прецедентных феноменов в текстовой структуре не изучен, несмотря на очевидную частотность этого явления в процессах коммуникации. Недоговаривание не только структурно оттеняет речь, но и придает ей соответствующую интенции говорящего тональность, как в следующем примере, где многообразие воспринимается как знак деликатного отношения, снисходительности, миролюбия:

«– Друг мой, а это будет ... не скучно? Ты знаешь: *tous les genres* [Все жанры]...» (Т. 8, с. 243).

Версиков угадывает конфликтный настрой сына и пытается предотвратить скандал; начальные слова вольтеровского афоризма *Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux* [Все жанры хороши, кроме скучного] – прецизионный дидактический ход, напоминание об интеллектуальной бесплодности бытовой ссоры (этикетность выражена также смещением частицы *ne* с привычной приглагольной позиции к предикативу).

Редуцирование иноязычной прецедентной вставки может происходить в сочетании с синтаксическим преобразованием аутентичной структуры высказывания:

«...*Nous revenons toujours* [Мы всегда возвращаемся], и это уж такое основное свойство мужчин; у них это от великодушия» (Т. 8, с. 260). Здесь воспроизводится слегка трансформированный начальный фрагмент французской поговорки *On revient toujours, à ses premiers amours* [Всегда возвращаются к своей первой любви].

Можно предположить, что писатель не только отбирает из культурного фонда человечества соответствующие его духовному миру и творческому замыслу прецедентные тексты, но и устанавливает для некоторых из них определенный модус вхождения в качестве интертекста в структуру повествования. Так, итальянская поговорка *Se non è vero, e ben trovato* [Если это и неправда, то хорошо придумано] в идентичной об-

работке встречается как минимум в двух произведениях писателя («Бесы», «Идиот»), в обоих случаях – в конце речевой партии, в виде начального фрагмента *Se non è vero, s'è fatto*, с примыкающим к нему многоточием (Т. 7, с. 829; Т. 6, с. 108).

Реверсивная интерференция. При высоком уровне владения иностранными языками формируется феномен лингвистического космополитизма, при котором, помимо всего прочего, полностью отпадает необходимость какого-либо интеллектуального усилия для переключения с одного языка на другой в процессах мышления и коммуникации. Развитая иноязычная компетенция открывает широкие возможности для художественного творчества; большинство этих возможностей реализуется путем включения отдельных элементов и структур другого языка в словесно-повествовательную ткань произведения. Есть во взаимодействии языковых систем в пространстве художественного произведения и такой аспект, как возможность структурирования словесных рядов на основе транспозиции семантических и синтагматических свойств единиц и структур иностранного языка на речевую субстанцию родного текста (реверсивная интерференция). В творчестве Достоевского можно найти немало примеров подобной интеграции материала двух языков в рамках решения единой художественной задачи. В основной массе эти примеры могут быть истолкованы как результат спонтанного экспериментирования с языковым материалом, как сознательная языковая игра для провоцирования читателя или как свидетельство нерелевантности фактора национально-языковой идентичности словесных групп для языкового сознания автора-полиглота. Проиллюстрируем сказанное:

Он вошел пасмурный, как ночь, отклонялся неловко, за что тотчас же рассердился – на себя, разумеется. Он **рассчитал без хозяина**. Пульхерия Александровна так и бросилась к нему, схватила его за обе руки и чуть не поцеловала их (Т. 5, с. 201).

Выделенный (мною) фрагмент является калькой французского выражения *compter sans son hôte* [букв. рассчитать без хозяина] со значением «обмануться в своих ожиданиях».

Аналогично, методом изоструктурного воспроизведения компонентного состава немецкого фразеологизма *unter vier Augen* [«с глазу на глаз, наедине»] получена неестественная для русско-

язычного узуса номинативная группа в следующем примере:

«...нарочно ты зашел ко мне, зная, что меня дома не будет, чтоб поговорить с ней **между четырьмя глазами** и что-нибудь выведать...» (Т.4, с. 205).

У Достоевского встречаются также примеры актуализации мнимого семантического тождества отдельных слов, относящихся к фонду интернационализмов в русском и иностранном языке, но характеризующихся при этом определенными семантическими различиями. В следующих двух примерах существительному *фамилия*, по аналогии с романо-германскими языками, приписывается контекстуально-обусловленное значение «семья»:

Николай Сергеевич Ихменев происходил из хорошей фамилии, но давно уже обедневшей (Т.4, с. 17);

«...К тому же вот и фамилия теперь приехала; об ней-то попомните» (Т.5, с. 328).

В другом примере в контексте обсуждения живописного полотна автор употребляет слово *артист* в значении «художник», как это происходит в английском и французском языках:

...это очень хорошо схвачено **артистом** (Т. 6, с. 410).

Прием реверсивной интерференции может быть воплощен также путем переноса на фактуру русского текста комбинаторно-синтагматических свойств слова, отмеченных в другом языке. Например, в следующем фрагменте обыгрывается в юмористических целях отличие русского языка от ряда европейских в плане употребления притяжательного местоимения в ряде специфических контекстов:

Она лежала в постели, лицом в подушках: она обливалась слезами и рвала **свои** длинные, чудные волосы **своими** белыми руками, обнаженными до локтей (Т.2, с. 466).

Для русского языка нехарактерно употребление местоимения *свой* при описании телесности человека, ср.: *Вымой руки* и англ. *Wash your hands*. Неловкость конструкции, включающей двукратное *свои*, подчеркивает иронические нотки в изображении семейной коллизии.

Под очевидным влиянием европейских языков сложилась и следующая грамматическая композиция – с морфологически немаркированным статусом обстоятельства времени:

«...знаешь, куда он будущее лето едет?...» (Т. 4, 694).

Подобное беспредложное употребление синтаксической группы (*будущее лето*) характерно для романо-германских языков.

Окказиональное словообразование. Достоевский творит не только тексты, но и слова – в том числе из лексического материала других языков. Этот аспект его творчества характеризуется необычайной раскованностью и изобретательностью, что вполне адекватно отражает, с одной стороны, языковые привычки и вкусы описываемой им социальной среды и рефлексии автора по поводу европоцентрической ментальности определенной ее части. Рассмотрим некоторые придающие яркое своеобразие произведениям писателя приемы существенного расширения семантики и прагматики иностранного слова посредством их принудительного включения в словообразовательную парадигму русского языка.

Наиболее простой случай – прибавление к иностранной лексеме русского словообразовательного элемента:

Неужели она так плохо рансенъирована? [фр. *renseigner*- осведомить] (Т. 8, с. 400), авенантенькая [привлекательная, от франц. *avenant*] (Т.5, с. 118), омбрелька [от франц. *Ombrelle* «зонтик»] (Т. 3, с.152), Смитиха [вдова Смита] (Т, с. 330). Возможно и прибавление двух и даже трех русских морфологических конститутивных элементов к заимствованному слову, в данном случае – префикса и двух суффиксов:

«...Я пятнадцать тысяч целковых профершпилила!» [от нем. *verspielen* „проигрывать“] (Т.4, с. 669).

Как видно, в этом случае трансформированные единицы сохраняют свое основное категориально-грамматическое значение – частеречную принадлежность, но существенным образом меняют стилистико-прагматические свойства. Более сложное структурно-функциональное решение связано с транспонированием окказионально заимствованного слова в иную часть:

А деспотировал я его ужасно... (Т. 8, с. 340);

...кушают конфеты, гантируются [носят перчатки, от фр. *gant* «перчатка»] (1989 4 423).

Особым авантюрно-экспрессивным колоритом для читателей, знающих язык-источник заимствования, характеризуются примеры транспозиции посредством лексикализации отдельно взятой грамматической формы иностранного слова:

«...а между тем и не замечают, что уже на фербанте» (Т. 8, с. 314).

Здесь субстантивировано немецкое причастие второе от глагола *verbannen* „изгонять, ссылать, отвергать“; слово, применяемое немцами исключительно в антропологической референтной функции («ссылный, изгнанник»), служит здесь для представления абстрактного понятия («опала, обструкция»).

Весьма колоритны относительно редко встречающиеся в текстах Достоевского экспериментально-игровые словообразовательные окказионализмы, построенные на контрастном столкновении в пределах одной лексемы разговорно-речевой русскоязычной основы и заимствованного из греческого или латинского второго элемента (слова или суффикса) с ярко выраженной книжно-научной коннотацией:

Для кого ясно, а для нас, брат, с тобой такая кувырколегия, что... Кажется, о производительных силах каких-то пишет (Т. 3, с. 18);

...Фома хоть и куражился, хоть и капризничал в доме дяди по-прежнему, но прежних, деспотических и наглых распеканций, какие он позволял себе с дядей, уже не было (Т.3, с. 199).

Антонимические стилистико-экспрессивные коннотации составляющих придают таким композициям и всему контексту их появления особое прагматическое звучание, напитанное комизмом, сарказмом, иронией.

Яркой экспрессией новизны и приращением образно-оценочных прагматических смыслов характеризуется пример, в котором окказиональное образование происходит в виде двух параллельных процессов номинации – с использованием ресурсов русского и иностранного языка:

...видишь ты вот этого букетника, вот этого *monsieur aux camélias* [господина в камелиях; *перед этим упоминался роман Дюма «Дама с камелиями» в оригинальном звучании*], вот он сидит да смеется на нас... (Т. 6, с. 167).

В произведениях Достоевского часто стилистически значимы и расширяют смысловые интенции текста антропонимы (ср фамилии персонажей в повести «Селе Степанчиково и его обитатели»: Опискин, Обноскин, Видоплясов, Мизинчиков); писатель свободно переносит этот прием игровой художественной экспрессии и на материал другого языка. В следующем примере для акцентирования отношения рассказчика к нелепой и комической фигуре одного немца пи-

сатель представляет его читателю в виде когнитивного оксюморона *поэт-купец* и под вымышленной и смешной для русского слуха фамилией в сопровождении пренебрежительного местоимения *какой-то*:

«...поэт, в то же время, купец, молодой мечтатель, одним словом, вполне немец, Феферкухен какой-то».

В дальнейшем повествовании имитируется забывчивость рассказчика, и немец появляется также под другими фамилиями: *Фрауенмильх*, *Фейербах*, *Брудершафт*. Кульминация комизма и иронии сквозит в описании конца жизненного пути неказистого персонажа:

«...Наконец, Брудершафт отчего-то скиснул и умер...»

– То есть Феферкухен?

– Ну да, черт его дери!» (Т.4, с. 208-210).

Как видно, писатель чрезвычайно изобретателен в способах варьирования эксцентрики ресурсов словообразования.

Иконизм на основе шрифтовой транспозиции. В основу человеческой коммуникации заложен принцип полимодальности – возможность и естественность совместного употребления субстанционально различающихся средств и способов самовыражения и передачи информации: словесного текста, невербалистики, изобразительности и т.д. Частным случаем применения техники полимодальности можно считать и практику включения иноязычных элементов в вербально-текстовую структуру, поскольку и в этом случае реализована интенция полимодальности – абстрагирование от различий и границ, интегрирование разнотипных феноменов для решения единой функциональной задачи. В художественном тексте, в стихии творческого процесса, нивелируются все системно-релевантные категории и дистинкции, остается единственный критерий рефлексии над языком – функциональный, определяющий приемлемость данной единицы или формы для данного контекста. Можно предположить, что авторы не всегда даже осознают факт синхронного применения средств разных языков в художественном контексте, гениальный ум мыслит одновременно всеми языками. Но в ряде случаев интенциональность кросскодовых переходов, нарочитость обращения к субстанции другого языка очевидна. Прежде всего здесь речь идет о переписывании слов на манер инациональной графиче-

ской системы. Условимся называть этот прием шрифтовой транспозицией.

Слово дано в языке в единстве плана содержания и плана выражения, последний имеет два аспекта – акустический (звук) и визуальный (письмо). Нарушение естественноречевого синкретичного образа слова семиотически релевантно, простейший пример – акцент выдает иностранца. И в графике работает принцип презумпции формы: аутентичная графическая ипостась русского слова – кириллица, шрифтовая транспозиция меняет его информационное поле. В художественной речи семантико-прагматические эффекты, возникающие при смене графического облика слова, могут быть весьма многоплановыми. Рассмотрим пример. В романе «Игрок» Алексей, нанятый учителем в семейство генерала, говорит о себе:

«...знает, как невелика птица – то, что они называют *outchitel*» (Т. 4, 587);

«...Я, конечно, «*un outchitel*» и никогда не претендовал на честь быть близким другом этого дома...» (Т. 4, 624).

Писатель в самом начале романа вводит в текст несуществующую в системе языка семантическую оппозицию *учитель-outchitel* и применяет ее на протяжении всего повествования в качестве основы для раскрытия образа персонажа как человека с шаткими социальными корнями, рефлексирующего по поводу безденежья, романтических неудач и т.д. Алексей покинул Россию, где он мог бы быть *учителем*, теперь он в Европе *outchitel*. Графическая антитеза неожиданно создает перспективу новых смыслов. Перемещение в пространстве привело к сдвигу в семантике самооценки.

Следующий пример – из того же романа – также связан с техникой персонологической номинации; он демонстрирует семантико-прагматический потенциал приема варьирования способов языкового оформления отдельно взятой лексемы в структуре художественного текста и возникающие при шрифтовой транспозиции смысловые и стилистические эффекты:

«...Заметили ли вы, за столом: он раза три, что-то говоря о бабушке, назвал ее бабуленькой: «*la baboulinka*». Такие короткие и такие дружественные отношения!» (Т. 4, 591).

Три лексические вариации плана выражения следуют одна за другой, каждый раз открывая новый ракурс презентации героини и новые смысловые повествовательные оттенки: *бабушка*

– демонстративно-индифферентное отношение Полины к именуемой, *бабуленька* – в ее же речевой партии – пересказ и оценка психологической позиции генерала, «*la baboulinka*» – цитатное документирование речевой партии генерала и отражающих его душевное расположение импликаций.

Есть особый аспект иконизма в языке – когда значимостью предмета изображения определяется количество, качество и разнообразие используемого для его наименования лексического материала. В романе «Игрок» значительное внимание уделено сюжетно-содержательному акцентированию фигуры Антонида Васильевны, упомянутой выше *бабуленьки*, в качестве одного из главных действующих лиц, описанию ее богатства, крутого и капризного нрава, способности влиять на судьбы и события. В способах ее вербальной репрезентации обращают на себя два момента: избегание имени собственного (имеющее, по-видимому, целью закрепление в сознании читателя ее образа в ореоле таинственности и необъяснимой национально-символической харизмы) и виртуозное варьирование техники вербального оформления базовой

понятийной лексемы: бабушка, *бабушка*, *бабуленька*, *la baboulinka*, *babouchka*. Значимость фигуры персонажа коррелирует с репрезентативностью мобилизуемых для ее именования креативных языковых ресурсов, в том числе – на основе графической транспозиции, актуализирующей специфичность бытовой жизни в пространстве взаимодействия разных национальных культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Присутствие иноязычных элементов – слов, словообразовательных средств, синтаксических структур, интертекстуальных феноменов – в произведениях Достоевского не привязано, как правило, к контексту основного сюжетобразующего повествования. В абсолютном большинстве случаев они играют характерологическую роль в речи персонажей, а значительная их часть функционально связана с задачами организации коммуникативного дискурса (модальные слова, этикетные формулы, фатические элементы речи). В совокупности они придают яркое своеобразие произведениям писателя, усложняют семантико-прагматическую интенциональность контекста появления, подчеркивают интертекстуальную природу художественной коммуникации.

1. Алексеенко, М. А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX XXI веков: Человек и его дискурс. - М.: ИЯ РАН, 2003. - С. 221-233.
2. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Изд. 2-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ». 2010.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: Издательство «Э», 2017.
4. Галиева, Э. Ю., Зиннатова, Р. Р. Прецедентные тексты в публицистике // Современная филология. Материалы I Междунар. науч. конф. - Уфа, 2011. - С. 239-241.
5. Горбунова, Е. А. Лингвокультурный комментарий прецедентных феноменов в англоязычном художественном тексте: Автореф. дис....канд. филол. н. - Самара, 2008.
6. Емельянова, О. В. Чужое слово во внешней речи//Риторика монолога. – С.-Пб.: Химера трейд, 2002. - С. 133-160.
7. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Никитина, Е. Н. XLIV Виноградовские чтения в МГУ / Вопросы языкознания. - 2013. - №5. - С. 153-156.
8. Кравченко, А. В. «Язык писателя» как семиотический конструкт // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. - Выпуск XVI. - Владикавказ, 2014. - С. 21-29.
9. Лотман, Ю. М. Текст в тексте // Ю.М.Лотман. Семиосфера. - СПб.: Искусство, 2004. - С. 62-73.
10. Опарина Е.О. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме//Социоллингвистика вчера и сегодня: Сборник научных трудов. - М.: ИНИОН, 2004. - С. 163-183.
11. Ружицкий, И. В. Языковая личность Ф.М.Достоевского: Лексикографическое представление: Автореферат дис. ...д-ра филол. н. - Екатеринбург, 2015.
12. Струве, Г. П. О языке Достоевского: употребление Достоевским заимствованных слов и злоупотребление ими // Revue des Études Slaves. Tome 53, fascicule 4, 1981. - P. 607-618.
13. Толстой, Л. О литературе. - М.: Гослитиздат, 1955.
14. Федоров, А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. - Л.: Советский писатель, 1983.
15. Шевченко, В. Д. Дискурсивные свойства цитат // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: Сборник научных статей. - Самара: Изд-во «Самарский университет». 2015. - С. 155-162.

MULTILINGUALISM OF F.M.DOSTOEVSKY'S ARTISTIC WORLD

© 2021 M.M. Khalikov

*Magomed M. Khalikov, Doctor of Philological Sc., Professor,
Head of Department of Linguistics.*

E-mail: magomed_samara@mail.ru

Samara State Transport University.

Samara, Russia

The article attempts to lay a foundation for highlighting the problem of artistically determined functioning of foreign-language elements in the narrative-text space of Dostoevsky's works as a special aspect of studying the writer's literary system. The processes of integration and interaction of languages and literary-artistic discourses are highly conditioned by the spatial-cultural interplay of countries and the dominant vector of their development, so the presence of a significant amount of material borrowed from French and German languages in the texts of Dostoevsky is quite expected to correlate with the idea of national-ideological and cultural priorities of Russian society of that time. The intensity of the creative reception of the material of other languages as one of the moments determining the individual originality of the artistic-speech semiosis, is also explained by the autobiographical factor – long stay of the writer in a foreign-speaking cultural environment and saturation of emotional-intellectual experience in the process of intercultural communication. On the basis of the study of Dostoevsky's creative heritage from this angle, it is possible to draw a conclusion about the diverse range of his use of foreign-language elements in his texts to solve artistic and narrative problems. The article analyzes the most relevant aspects of the writer's artistic and linguistic element in the application of foreign-language inserts in interaction with the material and the traditional system of expressive means of native language: the role in the construction of narrative discourse, intertextuality, reverse interference, occasional word formation, font transposition iconism. In view of the scientific and empirical significance of the problem, it seems necessary to continue its research on a broader theoretical and methodological basis, in particular – through interdisciplinary integration of the potential of linguistics and poetics.

Keywords: Dostoyevsky, artistic text, dialogue of cultures, foreign-language inclusions, pragmatics of text, intertextuality, iconism, occasional word formation.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-98-109

1. Alekseyenko, M. A. Tekstovaya reministsentsiya kak yedinita intertekstual'nosti (Textual reminiscence as a unit of intertextuality) // *Massovaya kul'tura na rubezhe XX XXI vekov: Chelovek i yego diskurs.* - M.: IYA RAN, 2003. - S. 221-233.
2. Arnol'd, I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' (Semantics. Stylistics. Intertextuality). Izd. 2-ye. - M.: Knizhnyy dom «LIBRIKOM». 2010.
3. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoyevskogo (Problems of Dostoevsky's poetics). - M.: Izdatel'stvo «E», 2017.
4. Galiyeva, E. YU., Zinnatova, R. R. Pretsedentnyye teksty v publitsistike (Precedent texts in journalism) // *Sovremennaya filologiya. Ma-terialy I Mezhdunar. nauch. konf.* - Ufa, 2011. - S. 239-241.
5. Gorbunova, Ye. A. Lingvokul'turnyy kommentariy pretsedentnykh fenomenov v angloyazychnom khudozhestvennom tekste (Linguocultural commentary on precedent phenomena in the English-language literary text): Avtoref. dis....kand. filol. n. - Samara, 2008.
6. Yemel'yanova, O. V. Chuzhoye slovo vo vneshney rechi (Someone else's word in external speech) // *Ritorika monologu.* - S.-Pb.: Khimera treyd, 2002. - S. 133-160.
7. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Nikitina, Ye. N. XLIV Vinogradovskiye chteniya v MGU (Vinogradov readings at Moscow State University) / *Voprosy yazykozna-niya.* - 2013. - №5. - S. 153-156.
8. Kravchenko, A. V. «Yazyk pisatelya» kak semioticheskiy konstrukt ("The language of the writer" as a semiotic construct) // *Aktual'nyye problemy filologii i pe-dagogicheskoy lingvistiki.* - Vypusk XVI. - Vladikavkaz, 2014. - S. 21-29.
9. Lotman, YU. M. Tekst v tekste (Text in the text) // *YU.M.Lotman. Semiosfera.* - SPb.: Iskusstvo, 2004. - S. 62-73.
10. Oparina Ye.O. Pretsedentnyy tekst i yego rol' v kul'turno-yazykovom sotsiume (The precedent text and its role in the cultural and linguistic society) // *Sotsiolingvistika vchera i segodnya: Sbornik nauchnykh trudov.* M.: INION, 2004. S. 163-183.
11. Ruzhitskiy, I. V. Yazykovaya lichnost' F.M.Dostoyevskogo: Leksikograficheskoye predstavleniye (Linguistic personality of FM Dostoevsky: Lexicographic presentation): Avtoreferat dis. ...d-ra filol. n. Yekaterinburg, 2015.
12. Struve, G. P. O yazyke Dostoyevskogo: upotrebleniye Dostoyevskim zaimstvovannykh slov i zloupotreble-niye imi (About Dostoevsky's language: Dostoevsky's use of borrowed words and their abuse) // *Revue des Études Slaves.* Tome 53, fascicule 4, 1981. - R. 607-618.

13. Tolstoy, L. O literature (About Literature). - M.: Goslitizdat, 1955.
14. Fedorov, A. V. Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury (The art of translation and the life of literature). - L.: Sovetskiy pisatel', 1983.
15. Shevchenko, V. D. Diskursivnyye svoystva tsitat (Discursive properties of quotations) // Evolyutsiya i transformatsiya diskursov: yazykovyye i so-tsiokul'turnyye aspekty: Sbornik nauchnykh statey. - Samara: Izd-vo «Samarskiy universitet». 2015. - S. 155-162.